

Российская политическая эмиграция
в европейском контексте начала XX в.
(по воспоминаниям художника Н. Прахова)

В статье на основе воспоминаний Н.А. Прахова, хранящихся в отделе рукописей Третьяковской галереи, освещена история колонии русских эмигрантов на острове Капри. Главное внимание уделяется деятельности каприйской школы пропагандистов и М. Горького. Российские революционеры и представители творческой интеллигенции вели на Капри активную общественную деятельность, которая, несмотря на лояльное отношение, вызывала беспокойство у местного населения и властей.

Ключевые слова: большевики, творческая элита, Италия, Капри, эмиграция, школа пропагандистов, М. Горький, Н.А. Прахов.

Представители российской творческой интеллигенции в начале XX в. активно путешествовали за пределами России. Одним из излюбленных мест оказалась Италия, колыбель многих искусств. Восприятие Николая Адриановича Прахова (18 мая 1873, Рим – 25 ноября 1957, Киев), художника и искусствоведа, человека, с детства окруженного выдающимися российскими художниками, отражено в его воспоминаниях. Они сохранились в архивном фонде Прахова в отделе рукописей Государственной Третьяковской галереи (ГТГ). Его отец, Адриан Викторович, историк, искусствовед, художественный критик, археолог, был близок с И. Репиным, дал путевку в жизнь М. Нестерову. Мать Н.А. Прахова – Эмилия Львовна Прахова, пианистка, ученица Ф. Листа, ее портреты писали И.Е. Репин, В.А. Котарбинский, М.А. Врубель. Семья Праховых и ее окружение были типичными представителями русской интеллигенции – беспокойной, часто ездившей в Европу, интересующейся всеми общественными движениями.

Прахов провел в путешествиях значительную часть жизни. Он побывал во Франции и Германии, но страной, с которой Прахов был наиболее тесно связан, оказалась Италия. В воспоминаниях он пишет: «Я родился в Италии, в “Вечном Городе” – Риме... Конечно, ни в выборе места рождения, ни способа питания моя личная воля никакого участия не принимала, но, может быть, от того, что начало жизни было положено под сине-синим небом Италии, я всю жизнь испытывал два ярких чувства: любовь и влечение к этой стране. Профессия моего отца, историка искусств, постоянный круг его знакомств и дружбы, состоявший из деятелей науки и искусств, рассказы отца и матери о Риме, Неаполе, Помпеях, Сицилии, а позднее его поездки за границу, неизбежно приводившие в Италию, по пословице: “Все дороги ведут в Рим”».

В осознанном возрасте автор поехал в Италию осенью 1896 г. на три недели, посетив по пути Вену, Рим, Венецию и Геную. Интересно его восприятие смены пейзажа за окном при выезде из Российской империи: «После широкого простора русских полей, после болот и пустырей Полесья показались игрушечными маленькие, по линейке разбитые прямоугольники Австрийской земли. Точно грядки в любительском огороде, красиво подобранные под цвет. Каменные города с историческими названиями мелькают один за другим. Мы видим станции, похожие и здесь одна на другую, как и везде. Те же Депо, водокачки, пакгаузы, те же поворотные круги и стрелки, те же семафоры... Только архитектура другая и материал построек и их расцветка иные. В России, по преимуществу, желто-зелено-коричневые, деревянные здания; в Австрии – кирпичные, а здесь каменные постройки с отражением в них “романского” стиля»¹.

Генуя потрясла Н.А. Прахова своими ароматами: «Мягко шуршит под резиновыми шинами колес шипучий морской гравий, в воздухе опьяняющий запах цветущих апельсиновых деревьев и пряный запах морских водорослей»². Рим не произвел на Николая Адриановича ощущения какого-то нового, чужого города, он пишет: «Самое большое впечатление произвел на меня тот факт, что в Риме все для меня было свое, давно хорошо знакомое, точно от рождения не выезжал из родного, уютного города. Новы были только размеры и цвета»³. Николай Адрианович посещает доступные достопримечательности, в том числе римские катакомбы, где его поражает католический священнослужитель, проводивший экскурсию: «траппист⁴ – молчальник, освобождаемый от обета на время службы, он давал волю своему языку. После мрачных, невежественных лаврских монахов казалась удивительно симпатичной

веселость и светская обходительность, видимо, довольного жизнью человека»⁵.

В 1900 г. Прахов посещает Всемирную выставку в Париже, где в течение шести недель изучает новые течения в живописи. Осенью 1902 г. он женится на художнице Анне Крюгер⁶, они вместе путешествуют по Италии, проведя на этот раз там уже шесть месяцев. Семейство Праховых, объехав еще больше итальянских городов, отправилось в Неаполь. Этот город произвел неизгладимое впечатление на Николая Адриановича необыкновенными манерами местных жителей, своей «темпераментностью».

«Неистовое шелканье бичей и громкое змеиное шипение: “Псст! Псст! Псст!”», раздающееся со всех сторон, оглушают иностранца, едва только вышедшего из вокзала на площадь. Это неаполитанские извозчики так бурно приветствуют Ваш приезд»⁷.

Извозчики, по Н.А. Прахову, совершенно особенная категория людей в Неаполе, весьма опасная. Местные жители никогда не торгуются с извозчиками, чтобы не навлечь на себя их немилость. «Жест в Неаполе часто заменяет слово. Он также выразителен, как диалект, сокращенные слова которого с успехом заменяют длинные литературные выражения»⁸. Однажды Николай Адрианович поинтересовался у своего знакомого неаполитанца, почему извозчик, услугами которого он регулярно пользуется, постоянно крутит кулаком под подбородком, на что знакомый, посмеявшись, ответил, что так в Неаполе демонстрируют всем, что разговаривают с дураком⁹.

В 1902 г. Прахов с женой первый раз оказались на острове Капри. В одной из своих рукописей, датированной 1940-ми годами, Прахов пишет про Капри: «для нас, граждан первого в мире социалистического государства, он славен тем, что здесь много лет жил, работал и творил великий пролетарский писатель – Максим Горький. “Да здравствует Горький, да здравствует Россия, да здравствует социализм!” – такими плакатами и надписями мелом и углем от руки были испещрены стены домов, витрины и ставни магазинов. Это неаполитанские и каприйские социалисты и анархисты устраивали овацию тому, кого считали борцом за справедливое дело рабочего класса, за социальную революцию, за мировой пролетариат»¹⁰. Важно отметить, что подобное описание отношения к Горькому на Капри обусловлено тем временем, когда писались воспоминания.

Мемуары написаны очень живо, образы рабочих и местных обывателей переданы ярко, фотографически отчетливо, но в тексте отсутствует что-то крайне существенное. То, чего автор старается не касаться, хотя именно ради этого прибывают на Капри рабочие,

и не только они. Всего одним предложением Прахов перечисляет тех, кто, помимо Горького и Луначарского, живет на острове, а ведь это ярчайшие русские интеллектуалы рубежа XIX–XX вв. Среди них крупнейшие издатели – К.П. Пятницкий, И.Д. Сытин, Е.А. Ляцкой, известные писатели – Л. Андреев, И. Бунин, М. Коцюбинский, публицисты – А.В. Амфитеатров, С.Я. Елпатьевский, С.И. Гусев-Оренбургский, В.С. Миролубов, театральные деятели – В.И. Немирович-Данченко, А.Л. Волынский. Список далеко не полон: в нем нет А. Богданова, В. Базарова – соратников Луначарского по «философской» полемике, надолго определившей не только судьбу русской философии, но и судьбу России в XX в. Многие внесли определенную сумму на устройство школы (взносы делали также Ф.И. Шаляпин, А.В. Амфитеатров, сам Горький, М.Ф. Андреева). Многие были лекторами каприйской школы. И, конечно, не назван В.И. Ленин, к деятельности этой школы относившийся резко отрицательно.

А.В. Луначарский в 1927 г. подтвердил: действительно, остров Капри выбран для партийной школы потому, что на нем «сидел» Горький. Многие из приезжавших на Капри считали, что «в приготовлении разыгравшейся в России великой драмы Горький, несомненно, сыграл одну из главных ролей»¹¹.

Если фигура Луначарского отодвигалась на периферию предреволюционной и ранней советской истории, то фигура Горького всегда была в ее центре, причем с положительной коннотацией (роман «Мать», «Буревестник», «Горячее сердце Данко»). И никаких «Несвоевременных мыслей»; о них специалисты будут помалкивать, до широкого читателя они дойдут только в 1990-е годы. У Прахова – фигура Горького в центре: он, как магнит, собирал вокруг себя не только революционеров. В действительности, 1908–1909 гг. для Горького – годы поисков, противоречий, заблуждений. Он пережил увлечение богостроительством А. Луначарского и разрыв с ним, интерес к философии А. Богданова и разочарование в В. Базарове.

Н.А. Прахов активно участвовал в создании курсов пропагандистов для школы, в которой преподавал Горький. Он организовал общежитие для съехавшихся рабочих на Villa Pasquale, руководил их прогулками на Капри, в Неаполе и Помпеях. Был одним из учредителей «Общества помощи и содействия русским, живущим в Неаполе и на Капри». Организационные собрания и выборы правления происходили у Горького на Villa Behring в сентябре 1909 г. Прахов вспоминает, что перед тайным голосованием Горький просил не выставлять его кандидатуру, поскольку «работа и состояние здоровья не позволяют ему часто ездить в Неаполь, где, в сущности, и должна вестись вся работа среди многочисленного студенчества»¹². В состав

первого правления были избраны Н.А. Прахов (председатель), Антонов (секретарь) – студент Неаполитанского университета, А.В. Луначарский, Г.И. Шрейдер и М.Н. Лядов-Мандельштам.

Захваченный идеей создания школы для рабочих, возможностью осуществить давнюю мечту – нести культуру в широкие народные массы, – Горький не замечал, что некоторые организаторы школы с самого начала имели совсем иные цели, нежели просвещение русского пролетариата. В школе читались лекции не только по истории литературы и искусства, одновременно рабочие проходили курсы политической экономии, философии, истории, теории и истории профессионального движения, занимались вопросами современной политической борьбы. Курсы читали настроенные оппозиционно по отношению к Ленину и большевистскому руководству Богданов, Базаров, Луначарский (его-то только и упоминает Прахов в 1939–1940 гг.) – люди, проповедующие эмпириомонизм и богостроительство. Политически они стояли на позициях отзовизма и ультиматизма, которые противоречили тактике ленинцев после Первой русской революции. После прохождения курса школы рабочие должны были вернуться на родину (это было обязательным условием зачисления в школу) и вести там широкую агитационную и пропагандистскую работу. Так отзовисты получали подкрепление для распространения своих идей в России. Ленин и руководство большевиков резко выступили против организации школы для рабочих на Капри. «Атмосфера взаимной нетерпимости» – так характеризовал отношения между школой и руководством большевиков Луначарский¹³. Со временем противоречия усугубились еще более, когда группа учеников выступила против лекторов и уехала в Париж, где встретила с Лениным.

Вся эта история удручающе действовала на Горького. В ноябре 1909 г. М.Ф. Андреева писала Н.Е. Буренину: «...здоровье Алеши очень плохо... Он тоже страшно огорчен и удивлен, так как такого разочарования и он не ждал»¹⁴. Тогда же она писала И.П. Ладыжникову: «За последнее время мне пришлось пережить такие ужасные, такие совершенно невероятные разочарования, пришлось убедиться в мелочности и нечестности таких людей, которые для меня были Человеками с самой большой буквы... Предупреждаю Вас – я нынче, по терминологии Луначарского, Богданова и К^о, – “мерзкая женщина”, меня собирались даже сумасшедшей объявить – не хочу играть с Вами в прятки. Думаю, что Вы меня довольно знаете, чтобы верить, что верую я в дело крепче и горячее, чем когда-либо, а вся беда в том, что я верная собака при Алексее Максимовиче и его “слопать” для мелочного самолюбьишка, насколько только

силы мне хватило, не допускала, то есть не позволяла надувать его, когда видела всякие подходы и штуки»¹⁵.

Русская литературная публика, приезжавшая на Капри в связи с издательской деятельностью Горького, способствовала возникновению литературно-политического центра, «настоящей русской политической и литературной колонии». О жизни этой колонии журналист М.К. Первухин в 1907 г. опубликовал очерк «У Горького на Капри» в газете «Одесские новости». Каприйские воспоминания послужили ему основой для книги «Большевики» («I bolsceviki», 1918), содержащей нелицеприятные портреты Л.Д. Троцкого, В.И. Ленина, А.В. Луначарского. В связи с возможностью вторичного приезда Горького на остров в 1924 г. Первухин поместил в каприйском журнале «Островные ведомости» («Pagine dell'isola») статью о «русском Капри» периода первого пребывания А.М. Горького в Италии (этот текст в настоящий момент имеет раритетную ценность, так как не переиздавался). Первухин считал, что создание Горьким каприйской школы стало важнейшей вехой на пути к Октябрьской революции 1917 г. Итальянский исследователь С. Гардзонио сообщает о том, что в наследии Первухина остались неизданными «очень живые записки о “гнусной роли” Горького в русской каприйской колонии, находящиеся в архиве “Русского слова”»¹⁶.

Прахов оказался в одном из важных центров российской социал-демократии, и его воспоминания важны как непосредственные свидетельства очевидца и участника ряда событий. Как писал Николай Адрианович, «жить на Капри и не быть знакомым с Максимом Горьким значило то же, если не больше, что быть в Риме и не видеть папу Римского»¹⁷. Согласно воспоминаниям самого Горького, на итальянском острове было очень много русских, «набралось на Капри нижегородцев – человек 600»¹⁸.

В.И. Ленин приезжал на Капри дважды: в 1908 и 1910 гг. Первый его приезд был весьма быстрым и достаточно напряженным. Он пробыл на острове всего шесть дней. Горький, веривший в позитивную роль школы для дела партии, надеялся на примирение Ленина с Богдановым, Базаровым и Луначарским, однако результат был прямо противоположным: Ленин объявил «о безусловном расхождении с ними»¹⁹.

Н.А. Прахов оказался в самом центре разгоравшейся деятельности каприйской школы. Он сводит свои воспоминания к курьезным фактам, привлечшим внимание местной полиции, к «немецким шпиикам» и старательно обходит события, связанные с деятельностью школы. Некоторые его воспоминания об этом периоде уже опубликованы. Однако в фонде Н.А. Прахова в Третьяковской

галерее остается много материалов, способных раскрыть данную тему глубже. Одним из таких интересных документов является «Доклад на экстренном собрании русской каприйской колонии», прочитанный 30 августа 1909 г., в 1950-е годы автор сделал его рукописную копию.

На собрании присутствовали: Гольдберг, Ширкес, Лядов, Луначарский, Пешков Зиновий, Соколовский, Антонов, Богородский, Дорман, Прахов, Арбатский, Шрейдер, Шрейтерфельдт, Лоренц, Сикорская, Благушин, Прахова, Григорий Алекс, Флора Шрейдер, А.М. Щербина, А.В. Щербина, Соколовская, Грибкова, Львова, Юрий Желябужский²⁰.

Н.А. Прахов сообщил о разговоре с неким англичанином г-ном Кларком. Тот в негодовании сообщил Прахову о том, что русские на Капри ведут себя непорядочно, упоминая какую-то публикацию в русской газете, где оскорбляли каприйцев. Николай Адрианович пытался сгладить ситуацию, объяснить, что данная статья не совпадала с мнением большинства русских, находившихся на Капри. Рассуждая о предотвращении подобных ситуаций в дальнейшем, Прахов предложил создать представительство русских. Кларка беспокоила политическая ориентация представительства. Прахов пытается уверить собеседника, что оно будет аполитично. Кларк интересовался: «А будет в обществе участвовать *signore Gorki?*» – «Как член русской колонии г. Горький принимает участие в этом деле, но не как покровитель проектируемого общества, которое желательно создать на возможно более демократических началах», – отвечал ему Николай Адрианович²¹.

Вечером того же дня он доложил о состоявшемся разговоре Горькому, в присутствии Луначарского и Г.И. Шрейдера²². Совместно решено срочно разрешить эту ситуацию. Для этого они вместе с Праховым отправились опрашивать местных жителей: «В разговоре с этими лицами, а также другими лично мне известными итальянцами никто не упоминал о грозящей опасности или иного политического или анархического акта»²³.

Все участники собрания согласились выработать текст обращения к каприйцам от имени русских, переслать в «Pro Carpi» и «Pugos chia», прочесть его некоему Синдаку. Исходя из содержания документа можно сделать вывод, что недовольство каприйцев для русской колонии стало большой неожиданностью. Местное население в целом было благодушно настроено по отношению к русским. С одной стороны, русские приносили итальянцам весьма существенный доход, с другой, хоть каприйцы и побаивались «анархических» актов, идеи социализма во многом поддерживали.

Воспоминания Н.А. Прахова содержат важные уточнения, в том числе, и о серьезных происшествиях в российских политических сообществах, об их деятельности в Европе.

Примечания

- ¹ Государственная Третьяковская галерея (ГТГ). Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 10. Л. 6.
- ² Там же. Л. 6–7.
- ³ Там же. Л. 16.
- ⁴ Трапписты – орден цистерцианцев строгого соблюдения (*лат.* Ordo Cisterciensis Strictioris Observantiae), католический монашеский орден, ответвление цистерцианского ордена, основанный в 1664 г. А.-Ж. ле Бутилье де Рансе.
- ⁵ ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 10. Л. 19.
- ⁶ Крюгер-Прахова Анна Августовна (1876, Киев – 1962, Киев) – художник-анималист, соавтор декорирования собора Святого Владимира в Киеве.
- ⁷ ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 2. Л. 1.
- ⁸ Там же. Л. 10.
- ⁹ Там же. Л. 11.
- ¹⁰ Там же. Д. 58. Л. 6об.–7об.
- ¹¹ *Ариас М.* Одиссея Максима Горького на «острове сирен»: «русский Капри» как социокультурная проблема // Toronto slavic quaterly. Ун-т Торонто. Интернет-журн. 2006. № 17. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/17/arias17.shtml> (дата обращения: 17 января 2016).
- ¹² ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 4. Л. 6.
- ¹³ *Луначарский А.В.* Великий переворот. Пг., 1919. С. 47.
- ¹⁴ Мария Федоровна Андреева: Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. Воспоминания о М.Ф. Андреевой. М., 1961. С. 138.
- ¹⁵ Там же. С. 137.
- ¹⁶ *Ариас М.* Указ. соч.
- ¹⁷ ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 58. Л. 9.
- ¹⁸ *Быковцева Л.* Горький в Италии. М., 1975. С. 69.
- ¹⁹ Там же. С. 81.
- ²⁰ ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 280. Л. 10об.–11.
- ²¹ Там же. Л. 5об.
- ²² Григорий Ильич Шрейдер (28 марта 1860 – 19 марта 1940) – российский экономист, публицист. Член партии эсеров. В 1917 г. – городской голова Петрограда.
- ²³ ГТГ. Рукописный отдел. Ф. 220. Д. 280. Л. 10.